

Сорокин Питирим Александрович

**Система социологии
Питирим Сорокин**

Том 1. Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П35

П35 **Питирим Александрович С.**
Система социологии Питирим Сорокин: Том 1. Часть 1 / Сорокин Питирим
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 205 с.

ISBN 978-5-519-74992-3

ISBN 978-5-519-74992-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПАМЯТИ

Максима Ковалевского

Евгения де-Роберти

и Петра Зепалова.

Предисловие.

Современная социология вышла из той стадии, когда ей нужно было доказывать свое право на существование. Правится это или не правится, но факт таков, что социология оказала и оказывает сильнейшее влияние на все общественные и гуманитарные дисциплины, она заняла свое место в ряду других наук и заняла настолько прочно, что будущее ее не зависит ни от капризов власти, ни от предрассудков тех или иных ученых. Констатируем этот факт.

Рядом с ним констатируем и другой. Несмотря на быстрое развитие социологии за последние десятилетия—она продолжает быть в состоянии „становления“. В силу целого ряда причин, она не успела еще застыть в определенные, шаблонные формы; разнó понимаются ее предмет и задачи, разнó очерчиваются и контуры всего социологического здания. В этом отношении социология делит участь всех социальных, обобщающих дисциплин: подобно тому, как правоведы до сих пор ищут определения права, как политико—экономы продолжают искать определения экономики и хозяйства, психологи—понятия психики и сознания, так и социологи не вполне еще столковались относительно предмета социологии и основных проблем ее изучения. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ряд курсов и руководств по общей социологии; дальнейшим подтверждением сказанному служит недавний анкетный материал, собранный и разработанный Американским Социологическим Обществом, в лице „комитета десяти“ наиболее видных американских социологов. Этот материал показывает, что даже в Америке, где кафедра социологии была открыта ранее, чем в других странах, где социология преподается не только в высших, но и в средних школах, где еще в 1915 г. она праздновала свой пятидесятилетний юбилей ¹⁾—и там досих пор не устано-

¹⁾ См. юбил. выпуск. The Amer. journal of sociology. May. 1916 г. Ст. Small'a: Fifty years of sociology in the United States (1865—1915 г.).

вились общепринятые шаблоны построения и изложения социологического материала. ¹⁾).

Такие условия имеют своим следствием два основных результата: они способствуют, с одной стороны, росту индивидуального творчества, с другой — благоприятствуют процветанию своеобразного социологического авантюризма. Социологическая мысль, не стесненная установившимися шаблонами, не имея на себе груза общепринятых традиций, не имея проторенных путей, принуждена самостоятельно, на свой страх и риск, строить здание социологической дисциплины. В ряде случаев такая свобода дает положительные результаты. Но рядом с ними чаще наблюдается другое явление, правильно отмеченное Зиммелем. — Так как социология является сравнительно „новой наукой, то к ней устремились всевозможные нигде не находящие себе должного помещения проблемы, — вновь открытая страна всегда Эльдorado для бездомных и беспочвенных элементов: неизбежная на первых порах неопределенность и незащищенность границ дает каждому право искать там убежища“ ²⁾. Этот факт мы можем наблюдать на каждом шагу. Что только не называется теперь социологией! Самые нелепые конструкции, самые незрелые теории, все недодуманное, все недооцененное сплошь и рядом выпускается на духовный рынок под этикеткой социологии. Нужно ли говорить, что такая спекуляция социологией компрометирует последнюю! Нужно ли настаивать, что достоинство последней требует борьбы против такого злоупотребления!

Указывая на эти печальные факты, автор данной книги ничуть не хочет сказать тем, что его собственная работа гарантирована от этой печальной участи. Напротив, сказанным он желает предупредить читателя, чтобы он, приступая к чтению данной книги, имел в виду эту опасность. В науке и, пожалуй, только в ней нет патентов и гарантий. Свобода критики и свобода мысли — первое и основное условие возможности науки. Единственный судья здесь — опыт и наблюдение. Если предлагаемые вниманию читателя страницы противоречат последним, они заслуженно разделят печальную участь ошибочных теорий. Если же отдельные положения выдержат нелицеприятный и беспристрастный экзамен этих судей — они получают право на общественное внимание.

¹⁾ См. The Amer. journal of sociology. 1911 г. May, ст. Report on questionnaire of committee of teaching и March, 1912 г. ст. Report of the committee of tel. Часть этого материала опубликована Социол. Институтом в брош. «Программы по социологии». Петроград, 1919 г.

²⁾ Simmel: Soziologie. 1908.2.

Предлагаемая книга, по собственной оценке автора, несвободна от многих недостатков. Эти недостатки усугублены несколько преждевременным ее появлением и общими условиями момента. Работая последние годы над „Системой социологии“, автор намеревался опубликовать ее позже. Он рассчитывал на поездку за границу, на работу в богатых книгохранилищах Запада, на непосредственное ознакомление с положением и преподаванием социологии на Западе и в Америке, на личное изучение общественной жизни передовых стран. Война помешала и продолжает мешать исполнению этого намерения. Далее, в связи с общими условиями нашей родины и в силу личных тяжелых обстоятельств, черновые заметки, выписки и вообще материал для „Системы“, собиравшийся автором в течение ряда лет, частью погиб, частью оказался вне Петрограда и не мог быть использованным.

Мало благоприятными для работы были и общие условия жизни в Петрограде за 1919 г., в течение которого писалась „по памяти“ эта книга.

Все это не могло не повлиять на научное совершенство книги, не могло не увеличить ее недостатков.

Если, тем не менее, автор все же решился выпустить ее теперь, то потому, что в современных условиях трудно мечтать о совершенной отделке своей работы. В обществе, где жизнь каждого из нас может оборваться в любую минуту,—от голода, от тифа, от произвола—в таком обществе не приходится строить научных планов, рассчитанных на годы; в таком обществе тщательная отделка работы становится неосуществимой роскошью, желание дать хорошо обработанный труд заменяется здесь желанием дать приличный черновик этого труда.

Таким черновиком и является издаваемая автором „Система социологии“..

При всех ее недостатках она все же настолько отделана, что, по убеждению автора, будет не бесполезной в нашей, чрезвычайно бедной социологической литературе.

Руководящие принципы, положенные в основу „Системы социологии“, таковы. Во-первых, социология, как наука, может и должна строиться по типу естественных наук. Различны объекты изучения тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противоположении „наук о природе“ и „наук о культуре“ по мнению автора, не может быть и речи.

Во вторых, социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий нормативизм из социологии, как науки, должен быть изгнан.

Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны. Конечно, „лестно самолюбию раздавать монтнионовские премии и читать выговоры, принимая мерилом самого себя, но бесполезно“¹⁾. Внесение нормативизма в область науки до сих пор загрязняло ее и не давало никаких положительных результатов. Больше того, все нормативные положения и оценки, как пытался доказать это автор, по своей логической природе не могут быть научными суждениями²⁾. Другое дело—социология прикладная, социология, как *искусство*. Здесь нормативизм уместен. Он составляет сущность прикладного социологического искусства. Зато такая дисциплина не составляет науки, ее основная посылка, а тем самым и все ее выводы,—не обязательны.

В-третьих, социология должна быть объективной дисциплиной—объективной не только в смысле отсутствия оценочных норм и в смысле методов изучения явлений, но и в более специальном значении этого термина.

Социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей „психические реальности“. Последние непосредственно не даны наблюдению, они не имеют предметного характера. Их нельзя „ощупать, взвесить и измерить“. Все это вело и ведет к субъективизму в социологии, к условности и неопределенности ее положений. Задача времени—освободиться от этого психологического субъективизма. Подобно тому, как изучение самих психических процессов за последнее время объективируется, подобно тому, как сама психология из науки о неуловимых „состояниях сознания“ превращается в объективную науку о поведении

¹⁾ Герцен: С того берега. Собрание соч. под ред. Лемке. т. V, 455.

²⁾ См. Сорокин: Преступление и кара. Введение: нормативная ли наука этика. СПб. 1914. *Его же*: Категория „должного“ и ее применимость к изучению обществ. явлений. Юрид. Вестник. 1917 г., Январь. *Его же*: „Структура современной догматики уголовного права. Вестник психологии, крим. антропологии и педологии. 1917. Вып. 1—2 и 3—5. Беспощадная критика явных и тайных нормативно-оценочных элементов в соц. науках и теориях дана в капитальной работе V. Pareto: Trattato di sociologia generale. т. I и II. 1916.

См. также А. Пуанкаре: Наука и нравственность в вопр. теории и психол творчества. т. VII.

человека, или в рефлексологию или в физиологию нервной системы, так и социология должна постепенно превратиться из науки о „психических реальностях“ в объективную дисциплину, изучающую явления „предметного“ характера, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие „ощупывание“ и „измерение“. Таковыми явлениями мы считаем акты, внешние двигательные реакции индивида, живущего в среде себе подобных, короче—явления взаимодействия людей. Освобождение от субъективного психологизма—очередная задача социологии. Как видно будет из текста—эта задача сейчас не вполне осуществима. Но поспешное стремление к ее достижению—необходимо ¹⁾.

В-четвертых, поскольку социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“. Значительная часть социологических курсов представляла и представляет скорее философски-умозрительные трактаты,—специальные главы натур-философии или „социальной философии“—чем изложение данных опыта и наблюдения. Примерами подобных трактатов могут служить даже такие работы, как „Чистая социология“ Уорда. Многие видят в таком философствовании особую ценность и достоинство. Автор убежден в противоположном. Если социология хочет быть точной наукой, она должна исходить из фактов, идти к фактам и давать обобщения, основанные на тщательном анализе фактов. С этой точки зрения в социологии не место философствованию, в смысле умозрения. Поменьше философствования и побольше наблюдения и тщательного анализа фактов—таков очередной дезюнг социологии. Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого „социально-философского“ трактата.

В-пятых, разрыв с философствованием означает и разрыв с несчастной идеей „монизма“—незаконным детищем незаконного брака социологии с философией. Не так давно еще, особенно в русской публицистике, считалось особенно почетной кличка „мониста“. И обратно, название „плюралиста“ означало нечто ругательное и научно-низкопробное.. (См. напр. „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ Г. В. Плеханова). Автор с большой охотой уступает „монизм“ всем, кому не лень наклеить на себя эту этикетку. Он твердо убежден в том, что „монизм“—результат догматического философствования, а не вывод опыта и наблюде-

¹⁾ См. *A. Bentley: The process of government. (1908 г.)*, где дана дельная критика психологической социологии.

ния. Монизм в социологии, как правильно характеризовал его покойный М. М. Ковалевский,— это попытка решить бесконечно сложную задачу общественных явлений по методу уравнения с одним неизвестным¹⁾. Автор убежден, что такая попытка — покушение с абсолютно-негодными средствами. Последовательный социологический плюрализм—такова его позиция. Она систематически проведена в ряде глав данного и следующего тома и будет развернута во всю ширину в „Социальной механике“..

Таковы основные руководящие принципы, лежащие в основу всей „Системы социологии“ *Последняя, по заданию автора, должна дать цельное и возможно законченное представление о социологии, как науке. Она должна показать, что социология не есть складочный подвал, куда сваливаются самые равнородные проблемы, „за ненадобностью“ не нашедшие себе места в других дисциплинах, а наука цельная, законченная, имеющая вполне определенные очертания, и вполне определенное строение, обуславливаемое ее природой.*

Вся „Система социологии“ представляет обширную работу, состоящую, по меньшей мере, из 8-ми томов. Данный и печатающийся 2-ой том охватывают только первую часть социологии, „Социальную аналитику“, изучающую строение социальных групп и народонаселения²⁾.

Со времен О. Конта социологи привыкли делить социологию на социальную статику и динамику. Но большинство из них, начиная с самого Конта, работало почти исключительно в сфере социальной динамики. Чуть не вся социология ушла в область изучения эволюции общества и открытия „эволюционных законов“. Социальная статика числилась в качестве отдела социологии, но, за редкими исключениями, не наполнялась никаким систематическим содержанием. На ее месте оставалось „пустое место“ или, в лучшем случае, в этот отдел второпях включали два — три вопроса и... тем довольствовались.

Выпускаемые сейчас два тома „Аналитики“ представляют попытку заполнить этот пробел.

Данный том посвящен аналитике простейшего социального явления, печатающийся второй том — аналитике сложного

¹⁾ См. подробнее об этом *Сорокин*: Теория факторов М. М. Ковалевского. Сборник памяти М. М. Ковалевского.

²⁾ Упрощенное и сокращенное изложение всей «Аналитики» и 1-ой части «Соц. механики» дается мной в печатающемся «Общедоступном учебнике Социологии». (Изд. Ярослав. Кредитн. Союза кооперативов).

социального агрегата, каковым является население, как всего земного шара, так и отдельной его части. Первый том — подготовка ко второму, оба вместе являются прелюдией к следующему — главному — отделу социологии: к „Социальной механике“. Этим заданием объясняется содержание 1-го тома: в нем речь идет только о том, что относится к аналитике строения простейшей модели социального явления. Все другие вопросы намеренно исключены из его содержания.

В „Введении“ автор дает общее понятие о социологии и ее отделах. В третьей главе он определяет центральное понятие взаимодействия и касается некоторых вопросов, связанных с методами его изучения.

Четвертая глава посвящена анализу элементов взаимодействия.

Пятая — классификации форм взаимодействия.

В шестой главе „замыкается“ разорванный круг явления взаимодействия и дается понятие последнего, как коллективного единства.

В седьмой изучаются те „скрепы“, которые „пригвозждают“ людей друг к другу, делают из них коллективное целое, — с одной стороны, с другой — те условия, которые разрывают эту цельность и разрушают реальные совокупности.

Начав свой анализ с элементов взаимодействия, с *межличностных* отношений, автор, идя от простого к сложному, логически приходит к понятию социальной группы и к *межгрупповым* отношениям. Избранная им дорога сама собой приводит его „ко второму этажу“ аналитики, — к исследованию межгрупповых взаимодействий, являющихся предметом изучения второго тома „Аналитики“. Таким путем второй том логически связывается с первым и служит его продолжением. Если с первого взгляда покажется странным, почему автор берет центральным пунктом исследования явление взаимодействия и почему он так долго останавливается на его изучении, почему он не определяет социологию, как науку об обществе, то по прочтении обоих томов, эта странность должна рассеяться.

Книга посвящается памяти *М. М. Ковалевского и Е. В. Де-Роберти*. Посвящение — слабый знак признательности автора своим незабвенным учителям. К этим именам я присоединяю имя своего дорогого друга *П. Н. Зепалова*. Молодой ученый, человек кристальной чистоты души, социалист по убеждениям, идеалист по натуре, безкорыстный альтруист по поведению, *П. Н. Зепалов* был жертвой гражданской

войны в 1918 г. Трагедия человечества продолжается: лучшие сыны земли продолжают распинаться во славу обоготворенных идолов и годмалеваанных фетишей. Но... не будем говорить об этом. Не сказано ли: "не плакать, не смеяться, а понимать"? Последуем удобному рецепту Спинозы и забудем о „горестных заметах сердца“. Если плакать нельзя, а смеяться невозможно, то постараемся хоть понимать.

В заключение приношу глубокую благодарность моей жене, Е. П. Баратынской, брату и ряду друзей, бескорыстно помогавших мне в безмерно тяжелые для меня месяцы 1918 г. Их помощь позволила мне приступить к опубликованию „Системы социологии“. Выражаю свою признательность книгоиздательству „Колос“, давшему возможность напечатать эту книгу в тяжелые годы переживаемого времени.

Автор.

Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.
